

ЧЁРТОВО НАСЛЕДСТВО

МАРИНА СЕВЕР

Марина Север

Чёртово наследство

«Автор»

2026

Север М.

Чёртово наследство / М. Север — «Автор», 2026

Пансионат «Тихая гавань» — идеальное место для отдыха состоятельных гостей. Здесь лечебное озеро, дорогие номера, тишина и покой. Но Марина, неожиданно унаследовавшая этот пансионат от неизвестного дарителя, быстро понимает: в этом месте что-то не так. Гости странно себя ведут. Персонал что-то скрывает. А в озере, говорят, до сих пор блуждает дух утопленной невесты. И это не просто местная страшилка, а часть куда более древней и страшной истории. В пансионате странным образом умирает постоялец. Девушка понимает, что здесь что-то не так. Марина из старинной книги узнает о существе, которое является по призыву и исполняет желания ценой чужих жизней. Чем больше жертв, тем сильнее оно становится. А расторгнуть сделку с ним можно лишь одним способом...

© Север М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Север

Чёртово наследство

Пролог

Темнота. Земля, забившаяся в нос и рот, не давала дышать. Тело горело. Что это? Где он? Почему темно и тесно? Может, это уже конец? Куда все подевалось? Люди, воздух, луна, лес? Все это было, но разом исчезло. А самое главное — в памяти ничего не осталось.

Надо было выбираться, но ноги и руки не слушались. Человек начал потихоньку приводить свое тело в движение, но каждая клеточка отзывалась невыносимой болью. Еще немного — и вот рука уже тянется вверх, минуя эту влажную и тесную землю. Еще немного — и тело следует за ней, карабкаясь из этого узкого пространства. Дышать. Как же тяжело дышать, просто невозможно! Ничего не видно. Тишина, такая давящая, что зубы сводит.

Куда дальше? Непонятно. Тело ныло и горело, но попытки выбраться не прекращались ни на секунду. Если не добраться до воздуха, значит, смерть настигнет в этом подземелье. Рука карябала поверхность, ища путь к спасению. Человек понятия не имел, сколько времени он тут находится.

Еще немного, еще пару метров — и вот наконец свободное пространство! Значит, это выход. Он пустил в ход другую руку — и наконец появился глоток воздуха, но дышать было все равно трудно. Земля не давала вдохнуть полной грудью. Он подтянулся еще немного. Наконец на поверхности появилась и другая рука, а потом голова. Да! Получилось! Свобода! Только вот где он?

Нужно открыть глаза. Веки не слушались, они словно слиплись вместе с ресницами. Дотронувшись грязными руками до лица, человек почувствовал адскую боль. Кожа почти сползла, оставив оголенные места.

Выбравшись из-под земли, человек очистил пальцами нос и рот от грязи и вдохнул полными легкими. Было темно. Луна, большая, серебристая, освещала незнакомую местность. Тело ныло. Осмотрев себя, человек увидел, что остатки одежды еле прикрывают истерзанное тело. Было ощущение, что выползть пришлось из ада. Кожа обугленная, черная от земли. Все щипало и ныло. Казалось, на теле не было живого места. Один глаз не видел. Потрогав глазницу и нащупав пустое место, болезненную пустоту, человек закричал, но из горла вырвался только хрип. Ему нужна помощь, но где ее найти? Вокруг темнота, лес и ничего живого.

Остаться тут не было смысла. Надо уходить, возможно, по дороге он наткнется на людей или трассу. Опираясь о землю ладонями, на которых живого места не было, человек попытался встать, но ноги, прожженные до костей, не слушались.

Внезапно где-то неподалеку послышался шум машины. Значит, рядом дорога и люди, которые могут помочь.

На коленях, морщась от неопишуемой боли, человек пополз на шум машины, который слышал минуту назад. Если он не доберется до дороги, его сожрут лесные звери или он умрет от голода и истощения. На теле не было живого места. Сплошное обгорелое месиво из паленого мяса и кожи. В некоторых местах просвечивали кости.

Поднявшись человек, медленно пошел на звук, спотыкаясь и падая. Сил не было, он цеплялся за ветки деревьев. Тело горело. Казалось, еще немного — и свет навсегда померкнет.

Впереди показался просвет, деревья стали редеть, а потом и вовсе остались позади. Вот она, трасса. Встав на самой обочине, человек увидел вдали свет фар. В темноте они ослепляли, даже на большом расстоянии. Машина неслась быстро, но затормозила рядом с ним.

Хлопнула дверь, кто-то вышел из машины. У него больше не было сил стоять, и он опустился на землю.

— Вам плохо? Господи! Что с вами случилось?

Это было последнее, что он услышал, прежде чем потерял сознание.

Глава 1

Марина смотрела в окно поезда, за которым пролетали красивые пейзажи. Они ехали почти сутки. Девушка отказалась лететь на самолете из своих соображений. Она всегда боялась высоты. Как ее ни уговаривал Максим, девушка была непреклонна. Даже Вика не смогла на нее повлиять.

— Подруга, ну ты чего? Серьезно, что ли? Вам ехать двое суток.

— Ничего страшного, — ответила Марина, — мы взяли билеты в СВ. Поэтому нас будет только двое, никаких посторонних.

Вика как-то странно покосилась на нее.

— Все равно не понимаю тебя. Можно долететь за два-три часа, а тут трястись столько времени в поезде. От духоты можно умереть.

Марина рассмеялась.

— Поверь, сейчас очень современные вагоны. Есть и кондиционеры, и ресторан, и вполне приличные туалеты, даже кипяток дают.

Марина заметила, что выражение лица подруги меняется, оно вытягивается от удивления, и вновь рассмеялась.

— Ладно, раз боишься летать, то поезд, да еще с рестораном, тебе подойдет.

Марина снова улыбнулась. Вика всегда любила вкусно покушать, хоть при этом оставалась стройной. Куда потом эти булки, которые она ела, девались, оставалось загадкой.

— Вы справитесь?

Вика вздохнула и махнула головой в сторону улицы.

— Ты же видишь, сколько у нас няnek. То одна бабушка придет, то другая.

— Ну и радуйся. Хоть отдохнуть будешь.

— И то верно. Правда, такое ощущение, что я для них Мишеньку родила. Носятся с ним, как курицы с яйцом. Мишенька покакал — ах, какой молодец! Мишенька кушать хочет — ах, бедный ребенок, мать его голодом морит. Мишенька срыгнул — какой милый мальчик, значит, животик работает.

Подруга состряпала такую гримасу, что Марина вновь рассмеялась.

— Ну и пусть носятся. Это же их первый внук. Вот родишь еще, они тебе первого отдадут, а со вторым бегать будут.

Вика вытаращила глаза.

— Мать, ты совсем что ли? Я после первых родов отойти никак не могу, а ты меня уже за вторым отправляешь. Нет. Я пас.

— Как так? А кто говорил: «Сереженька, у нас будет много детишек, трое, а то и больше»?

Марина пыталась сдержать смех, когда подруга округлила глаза, которые готовы были выпасть из орбит.

— Кто? Я? Тебе, наверное, приснилось. Не было такого.

Марина вспомнила, как Вику везли в роддом за несколько дней до 23 февраля. Она материлась на чем свет стоит всех медсестер, всех врачей. Еще умудрялась ими командовать. Ей никто ничего не говорил, зная ее мужа, участкового Сергея. Они заранее договорились, что роды будет принимать заведующий отделением. Через десять часов мучений, на свет появился богатырь весом пять сто и ростом пятьдесят четыре сантиметра. Мальчика назвали Миша, в честь деда Сергея. Папаша был на седьмом небе от счастья. Они не стали заранее узнавать пол ребенка, но Сергей был уверен, что у него родится пацан.

Через месяц Мишу окрестили. Крестными стали Максим и Марина. Они были не против, хоть и обсуждалась поездка в другой город.

Марина хихикала, когда в дом зашли Максим и Сергей.

— О чем говорим? — спросил участковый и, приобняв жену, поцеловал в губы.

— Да вот, Вика еще за одним собралась.

Марина улыбалась, а плечи ее подергивались в нервном смехе. Вика одарила ее убийственным взглядом и украдкой показала кулак.

— Конечно, собралась. Кто обещал еще двоих? А то весь прошлый год гонялись за монстрами, да искали приключения на одно место.

Марина вздохнула. Сергей был прав. Прошлый год был самым трудным для них всех. Они узнали правду, о которой даже говорить страшно. Родная сестра Максима вместе со своими детьми затеяла весь этот спектакль, который стоил жизни большому количеству людей не только в деревне, но и в городе. Ею двигала алчность. Она хотела завладеть серьгами, в которых заключалась сила семи ведьм. Это украшение вместе с даром передавалось только по наследству. Но дар выбрал Марину, разжигая в ней тьму, которая проникла в нее при рождении. Почему свекровь не отдала серьги своей дочери, когда той исполнилось восемнадцать лет, они узнали во время ритуала, который хотели совершить Галя и ее дети, Настасья и Павел. Они оба устроились в школу, где работала Марина.

Девушка была уверена, что баба Глаша помогла ей избавиться от темной силы. Серьги тогда забрала баба Матрена и отдала Настасье, дочке Гали. Тогда обе старухи погибли. Одна — из-за жадности, а вторая — спасая им жизнь.

Марина еще сама не поняла, как она разорвала железные оковы, которые держали ее на ритуальном камне. Что-то темное вновь проснулось в ней. Она спасла всех на поляне, отправив главных злодеев в самую преисподнюю, но не смогла вылечить Максима. Сила семи ведьм исчезла вместе с сережками, которые были на Настасье. Но, слава богу, тогда все обошлось, современная медицина справилась. Максим выжил, а это главное.

Марине было жаль Марию Степановну, которую убила Галя, чтобы занять ее место. Библиотекарша была милой старушкой. Вся школа тогда скорбела. Они похоронили ее неподатливу от свекрови Марины. Бабу Глашу и бабу Матрену предали земле там же, хотя народ был против. Марина навещала старуху на кладбище. Баба Глаша весь год помогала девушке справиться с ее силой и монстрами, многому научила и постепенно стала ей родным человеком. Но девушке почему-то казалось, что баба Глаша даже рада тому, что ушла в мир иной. Она устала тащить это бремя. Заключив по ошибке сделку с дьяволом, она сдерживала искушение заниматься колдовством. И только из-за Марины старуха несколько раз применяла магию.

Неожиданностью не только для Марины, но и для всех стало письмо, которое принесли в канун нового года. Наследство в виде пансионата где-то в других краях досталось девушке от человека, пожелавшего остаться неизвестным. Марина должна была приехать в другой город, чтобы вступить в права наследования.

Они долго решали, думали, созванивались с нотариальной конторой, но получали один и тот же ответ: «Марине необходимо в течение шести месяцев явиться к нотариусу».

Но девушка до последнего игнорировала письмо. Сначала роды Вики, затем крещение малыша. Максим со своей работой, Марина с отчетами. Она уже сроднилась с жителями деревни и школьным коллективом. Что ей делать с пансионатом, она не знала.

Одним прекрасным утром, когда Марина сидела на работе, занимаясь очередным отчетом, зазвонил телефон. Номер был незнакомым.

— Слушаю.

— Марина Константиновна? Здравствуйте! Это вас беспокоят из нотариальной конторы. Вы планируете к нам приехать?

И тут девушку осенило: она совсем забыла о том чертовом наследстве, о письме и о нотариусе, который ее ждет.

— Да. Постараюсь приехать после майских праздников.

Марина сбросила вызов, почувствовав, как пальцы рук начали леденеть. Что-то нехорошее кольнуло в груди.

Майский дождь не шел: он просто висел в воздухе плотной сизой взвесью, превращая асфальт в черное зеркало. Марина закрыла зонтик и бросила короткий взгляд на мужа. Максим стоял рядом с машиной, прислонившись плечом к влажному металлу, а его профиль казался высеченным из серого камня. Почти десять лет в отделе полиции научили его тело сохранять абсолютную неподвижность даже среди городского хаоса. Он сканировал улицу цепким, тяжелым взглядом, сутулую спину курьера под прозрачным дождевиком, нервный тик таксиста у обочины, слишком широкую улыбку банковского клерка за стеклянной дверью напротив. Для него этот город никогда не был просто скоплением зданий: это была бесконечная шахматная доска, где каждый встречный мог оказаться фигурой противника.

Для Марины же город в последнее время оставался чужим зверем. Воздух здесь пах озоном, мокрой пылью, остывающим асфальтом и едва уловимым приторно-сладким запахом машинного масла. Гудки клаксонов сливались в сплошной вибрирующий вой, а толпа текла по тротуарам темной безликой рекой.

Здание нотариальной конторы пряталось во дворах старого фонда. Тяжелая дубовая дверь, потемневшая от времени до цвета запекшейся крови, закрылась за ними, отрезав от шумной улицы. Внутри время словно остановилось. Пахло пылью, сухим деревом и слабым ароматом валерианы. На массивных стеллажах спали вечным сном пухлые папки-скоросшиватели, саркофаги чужих судеб, завещаний и долговых обязательств. Бронзовые маятники высоких напольных часов отсекали секунды с какой-то неумолимой торжественностью.

Их ждали. Нотариус Илья Борисович оказался человеком-птерозавром: сухой, сутулый, со складками пергаментной кожи на шее и глазами, лишенными всякого блеска. Его пальцы, похожие на пожелтевшие куриные лапы, перебирали листы гербовой бумаги.

— Марина Константиновна, — затем мужчина перевел взгляд на Максима. — А это, как я понимаю, ваш супруг Максим Николаевич.

Нотариус уставился своими бесцветными глазами на парня и, получив утвердительный ответ, продолжил:

— Присаживайтесь. То, что я обязан вам сообщить, выходит за рамки стандартной юридической практики.

Он придвинул к ним единственный документ. Марина взяла его непослушными пальцами. Плотная бумага холодила кожу. Текст, выведенный идеальным каллиграфическим почерком, гласил, что гражданке Марине Константиновне Д., безвозмездно передается право собственности на пансионат «Тихая гавань», расположенный в двадцати километрах от города, в лесной глуши на берегу древнего озера.

— Все же пансионат? — переспросила она, поднимая глаза на нотариуса. — Но я... я ничего не смыслю в гостиничном бизнесе. Я бухгалтер по образованию. Работаю в сельской школе, а мой супруг — сотрудник полиции. Зачем мне целый пансионат? И что это такое вообще?

Илья Борисович снял очки в тонкой золотой оправе, и устало потер переносицу.

— Фактически сейчас это не пансионат, а пятизвездочный спа-отель. Стоимость объекта оценивается в сумму, превышающую годовой бюджет небольшого провинциального городка. Мраморные полы ручной работы, витражи Тиффани в холле, бассейн с сауной на первом этаже, дорогие картины, некоторые из них подлинники. Это не просто здание, госпожа Давыдова. Это архитектурный бриллиант.

— Кто он? — голос Максима прозвучал ровно. — Тот человек, который подарил моей жене пансионат за бешеные деньги? Имя, фамилия, должность — хоть что-нибудь известно?

Нотариус медленно покачал головой.

— В том-то и заключается юридическая аномалия. Даритель неизвестен. Совершенно. Документ поступил ко мне спецсвязью из-за границы, пройдя через три оффшорных траста. Цифровой след обрывается. Биометрии нет. Подпись заверена консулом государства, которого не существует на картах уже полвека. Деньги на переоформление поступили из воздуха. По закону мы проверили вас на предмет давления или купли-продажи подписи — всё чисто. Вы ни с кем не вступали в контакт. Вас выбрали вслепую, наугад.

Марина почувствовала, как ледяные мурашки побежали от лопаток вниз по позвоночнику. Красота этого внезапного дара вдруг показалась ей зловещей. Словно кто-то положил сверток, перевязанный атласной лентой, на пороховую бочку.

— Почему я? Почему именно сейчас? Мой отец уже в возрасте, всю жизнь проработал сварщиком на заводе. Насколько я знаю, никому жизнь не спасал, в бандитских группировках не участвовал, мать умерла от инсульта шесть лет назад. У меня нет богатых родственников!

— Возможно, они были бедными лишь потому, что очень хорошо умели прятать свое богатство, — впервые за встречу позволил себе усмешку Илья Борисович. — А возможно, вы просто оказались идеальной наследницей. Без долгов, без сомнительных связей, с безупречной репутацией. Чистый лист. Такие люди — большая редкость в наше время. Да еще супруг из правоохранительных органов. И поверьте моему сорокалетнему опыту: бесплатные дворцы никто не дарит из чистого альтруизма. За этим актом невиданной щедрости стоит чья-то железная воля.

Максим забрал бумагу из рук жены. Его большой палец машинально лег на край листа так, как ложится на предохранительную скобу пистолета. Он смотрел не на текст, а как будто сквозь него.

— Двадцать километров от города. Лес. Озеро. Идеальное место, чтобы спрятать десяток скелетов. Или один, но очень свежий. Марина туда не поедет, пока я не прогуляюсь по периметру с тепловизором.

— Полиция не имеет права вмешиваться в частную собственность без оснований, капитан, — мягко напомнил нотариус, снова надевая свои очки.

— Я еду туда как муж, — отрезал Максим, сворачивая документ в тугой цилиндр. — Поехали, родная. Мы возвращаемся домой. Вернее, едем смотреть на наш новый... подарочек.

Они вышли обратно под тот же майский дождик. Город давил сверху низким свинцовым небом. Садясь в машину, Марина обернулась. В арке двора, под потоками воды, стояла высокая фигура в длинном черном плаще. Человек не прятался от ливня, запрокинув лицо к небу. Когда на него упал единственный луч света, пробившийся сквозь свинцовые тучи, Марина увидела абсолютно белое, бескровное лицо и поймала ответный взгляд. Незнакомец не помахал ей рукой, а лишь медленно приложил два пальца к виску, отдавая честь. Затем растворился в стене дождя.

Пансионат «Тихая гавань». Название царапнуло память. Она слышала это название где-то, но вот где именно, Марина не помнила. Машина тронулась с места, разрывая зеркальную гладь луж, увозя Марину навстречу чужой, мертвой тайне, ставшей теперь ее законным имуществом.

Глава 2

Марина распахнула глаза в абсолютную темноту купе, но темнота эта была обманчивой, она дышала. Именно это чужое, тяжелое дыхание вытолкнуло ее из вязкой дремы. Воздух стал плотным, осязаемым, словно кто-то невидимый медленно выкачивал из вагона остатки тепла, заменяя их стылым вакуумом.

Поезд отстукивал свою бесконечную колыбельную по стыкам: тудух-тудух... тудух-тудух... Ритмичный лязг металла о металл обычно убаюкивал, дарил иллюзию безопасности, но сейчас этот звук казался механическим сердцебиением огромного железного зверя, несущегося сквозь непроглядную ночь. Они с Максимом были вдвоем во всем вагоне. Эта мысль должна была успокоить, но вместо этого принесла глухую тревогу. Видимо, в город, куда они ехали, направлялось не так много людей. В спальном вагоне оказались вдвоем.

Марина инстинктивно натянула одеяло до самого подбородка, пытаясь укрыться от внезапно нахлынувшего озноба. Дорогая синтетика пододеяльника показалась ей грубой мешковиной, пропитанной ледяной колодезной водой. Зубы тихо клацнули друг о друга. Девушка нащупала мобильный телефон на столике и нажала кнопку сбоку. Желтоватые цифры равнодушно сообщали, что до рассвета еще три часа, а до нужной им станции около шести часов пути. Утром они должны были приехать.

Она повернулась к окну, чтобы проверить, не проехала ли станцию раньше времени, и замерла.

Толстое двойное стекло стремительно теряло прозрачность. Это не был обычный конденсат дыхания или утренний осенний туман за окном. По черному зеркалу ночи змеились серебристые трещины-морщины, сплетаясь в сложный, пугающе симметричный узор. Окно покрывалось корочкой льда изнутри. Не тонкой пленкой изморози, а настоящим толстым панцирем, который рос прямо на глазах. Фиолетовые жилки холода пульсировали в толще стекла, и оно едва слышно звенело от стука колес. Стенки купе начали потрескивать от перепада температур, дерево жалобно поскрипывало, протестуя против вторжения холода.

Сердце пропустило удар и рухнуло куда-то в похолодевшие ноги. Липкий ужас, пополз по позвоночнику. В старом деревянном вагоне, мчащемся сквозь майскую ночь, не могло быть минусовой температуры. Законы физики сдались, капитулировали перед чем-то древним и необъяснимым.

А потом Марина увидела ее.

Прямо за толщей ледяной корки в черной пустоте ночи стояла девушка. Она не бежала рядом с поездом, не цеплялась за поручни — она просто парила над мелькающими шпалами, ни на секунду не отставая. На ней было старинное свадебное платье: громоздкое многослойное облако пожелтевшего кружева и тяжелого шелка. Длинная фата, превратившаяся от влаги и мороза в обледеневший саван, тянулась за ней грязно-белым шлейфом.

Девушка смотрела прямо на Марину. Ее лицо, фарфорово-бледное, почти прижималось к стеклу с той стороны. Губы призрака беззвучно шевелились — она пыталась что-то сказать, предупредить. Ее глаза, темные и пустые, требовательно впивались в Марину, и в них была такая тоска, что у той перехватило дыхание. Марина прижалась к стеклу, силясь разобрать слова, но ни звука не пробивалось сквозь грохот колес и плотный слой льда. Только холод от окна проникал сквозь пальцы, напоминая, что между ними — не просто стекло. И вдруг купе наполнилось странным запахом — сырой земли, увядших лилий и сгоревших свеч.

Марина со страхом всматривалась в ее лицо, которое она как будто уже видела, но не помнила, где и когда. От девушки не исходило никакой злобы, только немой крик или какая-то мольба. Кто она? Зачем тревожит человека? Марине казалось, что вся магия, с которой она

сталкивалась, давно забыта и похоронена на поляне, под тем самым ритуальным камнем, где приносили в жертву девушек.

Максим вдруг тяжело перевернулся во сне, крепкая мужская рука безвольно свесилась вниз, он что-то неразборчиво пробормотал. Этот звук разрушил наваждение. С тонким звоном рассыпающегося хрусталя оно исчезло.

Марина села в кровати, судорожно глотая воздух ртом. Простыня под ней была мокрой от холодного пота. За окном вагона занимался рассвет. Бледное солнце лениво мазало золотом верхушки сосен. Дождь прекратился, последние его капли медленно сползали по стеклу. Никакого льда. Никаких следов инея на бархатных бордово-красных шторках. Только размеренный, успокаивающий стук колес: тудух-тудух... тудух-тудух...

— Ты чего? — хриплым ото сна голосом спросил Максим, касаясь ее ледяного плеча. — Приснилось что-то?

Марина смогла лишь кивнуть, не в силах разжать намертво сведенные пальцы, которыми она до сих пор сжимала край спасительного одеяла. А на идеально чистом оконном стекле таяла единственная снежинка, которой там никак не могло оказаться в конце мая.

Марине не очень хотелось осматривать свое неожиданное наследство, но после визита к нотариусу Максим ее убедил. Парню было очень интересно, что за щедрый даритель оставил такую дорогую недвижимость его супруге.

Максим пытался выяснить все об этом человеке. Он поднял все свои связи, но так и не смог зацепиться хоть за какую-нибудь ниточку. След терялся за границей, а туда доступ был закрыт.

— Ты долго будешь заниматься черт те чем? — спросил как-то его начальник Любимов, когда вызвал его к себе. — Мне уже сверху звонят, говорят, что ваш сотрудник влез в секретные файлы.

Максим молчал, опустив голову.

— Нас по головке не погладят. По шапке дадут и пинком отсюда выкинут. Ты понимаешь это?

Любимов был хорошим мужиком, но, когда на него давили сверху, он был непреклонен в некоторых вопросах, касающихся его сотрудников.

— Максим, я тебе говорю — всё. Давай закругляйся со своими выяснениями. Нам оттуда, — он поднял палец вверх, — дали установку не лезть, куда не надо. А ты лезешь. Ну получила твоя жена наследство — радуйтесь и живите дальше. Чего ты все выясняешь?

— Сергей Петрович, вы ведь тоже мент. Значит, понимаете, что бесплатный сыр только в мышеловке. Нет у моей супруги никаких богатых родственников, тем более за границей. Ну не может она....

— Так! — Любимов стукнул по столу кулаком. — Я все сказал. Не лезь дальше в дебри. Весь отдел подставишь.

Потом он помолчал и уже спокойно сказал:

— А про бесплатный сыр я с тобой согласен. Такого не бывает просто так. Но лезть в секретную базу я тебе не позволю. Еще раз говорю, нет, предупреждаю. Если узнаю — получишь по первое число.

После этого разговора прошло месяца два. Максим написал рапорт о переводе в другое место. Он уже пробил по своим каналам, что в городке, где находится пансионат, есть отдел полиции. Небольшой, правда, но место для него нашлось. Любимов поспособствовал о переводе, написал характеристику и отпустил с миром. Но сказал, что, если вдруг Максим вернется обратно в свой родной город, он примет его с распростертыми объятиями.

Вика, в свою очередь, тоже пыталась выяснить хоть что-то об этом странном пансионате. Все новогодние праздники они провели вместе, не считая тех несколько дней, что Максим с женой находились в городе у отца Марины. Рождество — семейный праздник, когда род-

ные собираются за столом. Даже младшая сестра прилетела из-за границы, чтобы повидаться с Мариной, зятем и отцом. Ирина была со своим мужем и маленькой Дашей, которой уже исполнился годик.

Вика с округлившимся до неприличия животом, поджав под себя босые ноги, гипнотизировала взглядом экран телефона, где ядовито-зеленая рамка рекламного баннера отчаянно мелькала перед глазами. Марина же сидела вполоборота, меланхолично водя пальцем по краю пузатой керамической кружки, оставляя на обожженной глине влажные полукруги.

За окном мела метель. Белые снежинки липли на окно, тая и оставляя мокрые следы на стекле. Третий час они тонули в бездне поисковиков, пытаясь сбежать от серой изнанки зимы, но алгоритмы лишь равнодушно подбрасывали им одно и то же. Сайты говорили о прекрасном спа-отеле «Тихая гавань» в двадцати километрах от небольшого городка.

— Что ни прочитаю, всё сводится к одному. Спа-отель — это тихий санаторий в экологически чистом месте, с великолепными пейзажами и... — протянула подруга, не закончив предложение, — а вот тут что-то интересненькое.

— Что? — Отозвалась Марина и придвинулась ближе к Вике.

Тонкий палец Виктории решительно щелкнул по айпаду. Монитор моргнул, прогоняя очередную глянцевою картинку. Это была даже не статья, а скорее старая цифровая страница небольшого тревел-блога. Ни кричащих кнопок «Забронировать», ни всплывающих окон со скидками. Только зернистая фотография, сделанная, кажется, на рассвете.

С экрана повеяло настоящим, густым хвойным духом. На них смотрело озеро — снятое сверху, оно казалось почти идеально круглым, словно врезанным в сосновый бор. Вода была тёмной, маслянистой, почти чёрной у берегов. Она как будто не отражала небо, а втягивала его в себя. У самой кромки лежали коряги, покрытые густым мхом. Над водой висела лёгкая дымка.

Девушки замерли, глядя на экран. А затем принялись жадно читать текст, бегая глазами по строчкам:

«Мёртвое зеркало? Скорее, целебная вода, — писал неизвестный автор. — Работники спа-отеля называют его Сердцем Бора. Говорят, его грязь помогает суставам, снимает усталость и успокаивает нервы. На закате вода будто загорается, отражая последние лучи солнца. Исккупаться после грозы — всё равно что смыть с себя всё наболевшее за год. Целебная грязь со дна озера насыщена минералами времен ледника. Исккупаться в озере спа-отеля “Тихая гавань” после грозы — это как заново родиться или сбросить старую кожу».

Вика судорожно вздохнула.

— Ты это видишь, Мариш? — ее голос сел до шепота. — Сбросить старую кожу. Я чувствую, как у меня прямо сейчас хрустит позвоночник от одного только чтения.словно эта вода просачивается сквозь пиксели.

Марина отставила кружку. Она резко подалась вперед, опершись ладонями о край стола так, что пальцы хрустнули под тяжестью тела.

— Спа-отель «Тихая гавань», — прочитала она вслух, ткнув ногтем в подпись под фотографией. — Двадцать километров от областного центра. Никаких аниматоров, никакой громкой музыки по вечерам. Только тихий отдых на берегу лечебного озера. Красивые пейзажи за окном, ухоженная территория и лесной массив. В отеле есть удобные номера, трехразовое питание, комната отдыха, бассейн, сауна.

— Там же наверняка дыра дырой, полторы калеки на весь пансионат, — попыталась возразить Вика. — А вот озеро — волшебное, лечебное.

— Вряд ли. Посмотри на сам этот пансионат. Он сверкает дороговизной. Белые колонны, лепнина с изображениями странных существ — то ли зверей, то ли мифических созданий. Да и цены. Посмотри, — Марина нажала на стоимость за сутки.

Вика присвистнула от удивления.

— М-да. Не каждый себе это может позволить, — подруга восхищенно посмотрела на Марину. — Да ты у нас теперь богатая наследница!

Но что скрывается за этим неожиданным наследством, которое прилетело ей сразу, после событий, произошедших в деревне?

Марине вся эта история не нравилась. От пансионата, от этого озера, от всей дорогой обстановки веяло чем-то неясным, скрытым. Главное, чтобы ее больше не беспокоили монстры из прошлого. Она закрыла вкладки и посмотрела на Вику.

— Не нравится мне все это.

Подруга гладила свой большой живот.

— Марин, знаешь, пока сама во всем не разберешься, не узнаешь. Тебе стоит принять этот странный подарок. Может, ты зря переживаешь? Надо просто принять в дар этот райский уголок и не переживать?

Марина тяжело вздохнула. Кофе уже остыл, и девушка, оставив кружку, встала с дивана.

— Ты права. Надо будет доехать до этого нотариуса. После праздников займись этим.

Но Марина вспомнила об этом, только когда нотариус позвонил ей сам.

В салоне такси пахло дорогой кожей, мятой и тем особым покоем, который бывает в новых машинах. За тонированным стеклом проносился пыльный, шумный город, но постепенно он отступал, уступая место пригороду — чистым улочкам, маленьким магазинам и пекарням. Городок был небольшим, но ухоженным. Марина с Максимом ехали в санаторий, который неожиданно достался им в наследство.

Максим расслабленно откинулся на спинку сиденья, полуприкрыв глаза под тихий джаз, льющийся из динамиков машины. Он умел наслаждаться моментом с обезоруживающей простотой. Марина не могла расслабиться. Она прильнула лбом к прохладному стеклу, вглядываясь в мелькающие пейзажи. Сосны стояли стеной, их стволы блестели от смолы, а между деревьями стелились клочья тумана, цепляясь за можжевельник. Солнце только начинало пробиваться сквозь ветви, и в его лучах пыльца медленно кружилась, оседая на мокрой хвое.

До санатория оставалось всего десять минут, но Марине казалось, что время замедлилось. Они пять минут назад выехали из городской суеты в направлении санатория. Как сказал таксист, это самое живописное место в округе. После «Тихой гавани» в нескольких километрах располагалась небольшая деревенька.

Неожиданно взгляд Марины зацепился за вершину дальнего холма.

— Макс, посмотри туда! — выдохнула она, больно сжав его локоть. — Выше, над лесом!

Парень прищурился, всматриваясь в дрожащее марево раскаленного воздуха. На самой макушке каменистого утеса виднелся старинный замок. Не аккуратная историческая реконструкция для туристов, не новодел с пластиковыми башенками, а настоящий каменный замок. Его массивные стены из грубо тесаного темно-серого камня были испещрены морщинами глубоких трещин и покрыты бархатным плащом темно-зеленого мха. Две остроконечные башни-близнецы были увенчаны изящными шпилями, отражающими солнечные блики. Стрельчатые окна зияли пустыми глазницами, лишёнными стекол, а каменные горгульи по краям ветхой черепичной кровли скалились в вечном немом крике. Замок был прекрасен той дикой, первобытной красотой, от которой замирает сердце, абсолютно неуместной здесь, среди выверенной геометрии элитного курорта. Он выглядел древним стражем, который мрачно взирал сверху вниз на суету у своих ног.

— Галлюцинация от недосыпа? — усмехнулся Максим, пытаясь перевести все в шутку, но голос его прозвучал чуть тише обычного. — Или декорации для местного квеста?

Марина покачала головой, не отрывая взгляда. Чем дольше она смотрела, тем сильнее ей казалось, что замка там быть не должно. Ни на одной рекламной брошюре, которую она вместе с Викой листала в айпаде, не было ни намёка на это здание. Может быть, это мираж?

Такси мягко качнулось на последнем повороте, пряча наваждение за густой лапой огромной голубой ели, и замок исчез, словно кто-то просто стер его ластиком.

— Куда он делся? — спросила Марина таксиста, крутя головой в разные стороны.

— Вы о замке? — хмуро ответил водитель.

— Да.

Таксист несколько секунд держал паузу, будто не замечая нетерпеливых взглядов Марины и Максима, и наконец сказал:

— Не любят у нас этот замок.

— Почему? — удивился Максим.

— Да разные люди говорят. Я сам-то в деревне живу, которая неподалеку от пансионата стоит, оттуда этот замок очень хорошо просматривается. Местные говорят, что видят там всякое.

Марина почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— И что же именно? — продолжал спрашивать Максим, поглядывая на супругу и хмурия брови.

Водитель снова помолчал несколько секунд, глядя на дорогу, и продолжил.

— Вроде как приведения там видели. Сам-то я ни разу, но наши старики утверждают, что ходят, воют по ночам. А если кто в темное время возле замка появится или вообще внутрь зайдет, то больше оттуда не выйдет.

— В смысле? Потеряется, что ли? — удивилась Марина.

Таксист усмехнулся.

— Если бы. Вперед ногами вынесут, если найдут. Там вроде как давным-давно одна женщина другую убила. Я эту легенду не знаю. Но у нас еще есть те, кто помнит, как об этом прабабки рассказывали. Самим почти под сто лет, и еще помнят о чем-то... Да вы не бойтесь, это у нас местные страшилки. Чтобы вандалы и любопытные не лазали внутрь. Вроде как достояние историческое. Хотели из него музей для туристов сделать, не получилось.

— Почему? — снова спросила Марина. Как новому человеку в городе, ей все было интересно.

— Да что-то у них там не срастается. То материалы пропадают, то люди погибают, то сами бегут.

— В смысле погибают? Несчастные случаи, что ли? — поинтересовался Максим.

Тот усмехнулся.

— Да какой там несчастный случай! Один раз рабочий сам себе в голову гвоздодером гвозди забил и откинулся. Второй кинулся на соседа с ножом, его убил, потом себя. Один вообще с ума сошел. Все твердил о какой-то девушке с лицом без глаз.

После этих слов Марина вздрогнула, но ничего не сказала. В этот момент водитель свернул с трассы и поехал по асфальтированной дороге, где стоял большой указатель: с надписью «Тихая гавань».

Глава 3

Такси, тяжело вздохнув изношенным амортизатором, остановилось на посыпанной мелким гравием площадке. Двигатель умолк, и в салон хлынула густая, настоящая на сосновой смоле тишина. Марина опустила стекло, жадно втягивая теплый дневной воздух, пахнувший озерной сыростью и ароматом цветов.

Перед ней раскинулся пансионат «Тихая гавань». Он выглядел так, будто царил над этим уединенным миром. Здание было выстроено в форме буквы П и выглядело, словно старый аристократ, распахнувший объятия навстречу гостям. Два этажа благородного светлого камня венчала массивная крыша из такой же светлой черепицы. Широкое каменное крыльцо охраняли пузатые колонны. Их так густо обвивал дикий плющ, что казалось, будто природа пытается мягко, но настойчиво затянуть здание в свои объятия. Сложнейшая лепнина оплетала высокие арочные окна. Стекланный купол центрального входа переливался всеми цветами радуги, как огромный мыльный пузырь. По периметру крыши тянулась ажурная балюстрада из белого резного камня. На ней застыли мраморные нимфы, держащие в руках чаши. Воздух здесь был густым, пахнущим розовой водой, скошенной травой и озоном.

Это была вызывающая, кричащая роскошь. Дорогостоящая игрушка для тех, чьи имена печатают в списках Forbes. Цена одного дня пребывания в этих стенах наверняка равнялась месячной зарплате Максима.

Максим вышел первым, щелкнул замком багажника и достал два больших чемодана на колесиках.

— Приехали, — улыбнулся он, протягивая Марине руку. — Выбирайся в реальность.

Но реальности здесь не было. Территория вокруг главного корпуса дышала ухоженной вековой роскошью. Гравийные дорожки змеились между старыми липами, чьи кроны сплелись наверху в плотный изумрудный купол, сквозь который лишь изредка пробивались косые столпы дневного солнца. Там, где свет все же находил лазейку, вспыхивали медные стволы корабельных сосен. По левую руку лениво вращались лопасти старинной водяной мельницы, давно переоборудованной в декоративный фонтанчик, вода падала в чашу беззвучно, маслянисто переливаясь. Справа пряталась в тени плакучих ив белые лавочки с изящными подлокотниками и спинками. Где-то высоко, невидимые в тесной листве, перекликались первые соловьи.

Марина вылезла из машины, и ее мягкие кроссовки ступили на асфальт, местами усыпанный сухими иголками и шишками. Территория пансионата была огромных размеров. Перед ними предстал забор из толстых прутьев. Ворота из кованого темного железа были закрыты. За забором маячил парень в белой рубашке, черных брюках и рацией в руках.

Максим подошел к калитке и окликнул его. Пока Марина осматривала все это великолепие и расплачивалась с таксистом, ее муж уже вовсю ругался с парнем с рацией.

Девушка подошла поближе, чтобы узнать, что случилось.

— Мужчина, я вам еще раз говорю: необходимо бронирование номера. Судя по всему, вы ничего не бронировали.

После таких наглых слов Максим начал меняться в лице. Его ноздри раздулись, подбородок заострился, а сам он тяжело задышал. Еще бы немного — и муж Марины полез через забор, чтобы врезаться этому нахалу.

— Подождите, — сказала она, доставая из сумочки документы о праве собственности пансионата «Тихая гавань». — Вот, пожалуйста, посмотрите. Я новая владелица этого здания.

Парень взял тонкую папку, просунутую между прутьев закрытой калитки, и пошел в сторону входа в пансионат, который был на приличном расстоянии. Максиму и Марине ничего не оставалось, как просто ждать.

Девушка решила немного пройтись вдоль забора, осмотреться, изучить. Марина ушла довольно далеко от главных ворот, когда вдалеке прямо за санаторием увидела озеро.

Оно лежало перед лесом, огромное, идеально круглое зеркало воды. Лес обступал его со всех сторон плотной, непроницаемой стеной, создавая иллюзию первозданного мира, куда еще не ступала нога человека. У самого берега покачивались белые лодки, привязанные цепями к просмоленным сваям. Вода была настолько неподвижной, что казалась чёрным стеклом — ни ряби, ни движения. И вдруг на другой стороне огромного озера, за стройными многовековыми деревьями, Марина увидела тот самый замок.

Пока такси петляло по узкому, заросшему можжевельником шоссе, Марина смотрела в окно. Тогда, сквозь дрожащее марево майского зноя, ей показалось, что это оптическая иллюзия, игра света на верхушках елей. Но сейчас она поняла, что это не мираж. Замок вырос прямо за многочисленными елями, стоящими вдоль волшебного озера. Три острых шпиля устремлялись в небо. Стены замка были сложены из тёмного, почти чёрного камня, влажно поблескивающего в свете редких фонарей. В них утопали высокие витражи тёмно-красного и тускло-золотого стекла. Ни единого огонька не теплилось в его окнах, ни одна тропинка не вела к массивным дубовым воротам, забранным ржавыми железными полосами. Замок выглядел абсолютно мертвым, покинутым много столетий назад, но при этом хранил такую грозную статью, что по спине Марины пробежал холодок. Камни замка хранили холод и сырость, словно дышали памятью о чём-то давнем, тёмном. Марине показалось, что если она произнесёт имя того, кто здесь когда-то жил, тьма сгустится, а вода в озере придёт в движение. Она сделала шаг к забору и взялась руками за холодные железные прутья. Не отрывая глаз от этого странного и страшного строения, она не заметила, как к ней подошел Максим.

— Марин, ты чего остолбенела? Что-то увидела? — голос Максима прозвучал откуда-то издалека, из другого, скучного измерения. Он подошел сзади и обнял ее за плечи. Тепло его рук должно было согреть, но оно лишь подчеркнуло ледяной озноб, сковавший позвоночник.

— Ты видишь? — шепотом спросила Марина, боясь пошевелиться и разрушить наваждение. Ее палец невольно указал в сторону гладкого озера.

Максим прищурился, всматриваясь во тьму противоположного берега. С минуту он молчал, переводя взгляд с неприступных стен на жену и обратно.

— Старый замок, который мы видели по пути сюда, — наконец произнес он буднично, пожав плечами. — Наверное, здесь раньше жили короли или графы. Я в истории не силен.

Он потянул ее за собой обратно к воротам пансионата. К ним уже направлялись тот самый молодой человек из охраны и девушка в строгом костюме, с длинными волосами, собранными в хвост. В её взгляде чувствовались самоуверенность и холодность. Она смотрела на приезжих так, будто оценивала каждого, ещё до того, как они успевали поздороваться.

Калитка медленно открылась, и Марина с Максимом вошли на территорию пансионата. Девушке показалось, что здесь даже воздух другой, не такой, как за ограждением.

— Доброе утро, — поздоровалась девушка вежливо, но достаточно холодно. — Меня зовут Ирина Андреевна. Я управляю пансионатом «Тихая гавань».

Если она и собиралась куда-то их отвести, то явно не торопилась. Марина с Максимом выжидательно смотрели на девушку.

— Может, вы нас проводите внутрь или мы так и будем здесь стоять?

Максим сложил руки на груди, а его брови взлетели вверх.

— Ах, да, простите, — ответила девушка. — Вы знаете, надо было предупредить, что вы приезжаете. Мы хотя бы подготовились. Идите за мной.

Максим взял оба чемодана за ручки и покатыл их за собой.

— А вам разве нотариус не сообщил, что у «Тихой гавани» теперь новый владелец?

Девушка слегка повернула голову, мельком взглянув на него.

— Конечно, сообщил. Но он не уточнил дату приезда. Мы бы вам подготовили комнату, а сейчас даже не знаю, что делать и куда вас заселять. Пансионат под завязку.

Максим резко остановился. Марина, идущая следом, чуть не наткнулась на него.

— В смысле?

— Ну, вы понимаете, — начала оправдываться девушка, — у нас сейчас сезон, хотя пансионат работает круглый год. К нам едут со всей страны из-за озера, путевки стоят дорого. Мы стараемся не терять клиентов. Бронирование у нас онлайн. Как только номер освобождается, система автоматически выставляет его в продажу — и через пару минут его уже кто-то выкупает.

Девушка выпалила это все разом и вздохнула тяжело. Хотя, как заметила Марина, в ее тоне иногда слышалось злорадство. Мол, на тебе, новый владелец пансионата, получай, раз решил завладеть чужим имуществом.

— А вон там что за домики?

Марина указала рукой на одноэтажные светлые дома, которые стояли на территории пансионата. Они находились на приличном расстоянии друг от друга. Один домик был ближе к основному зданию, другой — ближе к воротам, а третий — почти возле озера. С одной стороны лес, с другой — глянцевая гладь.

Управляющая пансионатом проследила за ее рукой.

— — Это наши отдельные домики. Здесь останавливаются гости, которые любят уединение. Спальня, кухня-гостиная, санузел, веранда. Всё необходимое, чтобы чувствовать себя комфортно. Домики небольшие, всего сорок квадратных метров, но очень уютные.

— Они тоже все заселены?

Ирина Андреевна как-то странно отвела взгляд в сторону, а потом вдруг улыбнулась и ответила:

— Только два из них.

— Ну, вот и отлично. Значит, в одном из них поселимся мы.

— Конечно. Но...

— Что?

Марина видела, что супруг был на взводе. Они приехали в свой собственный пансионат, а их некуда поселить.

— Вы знаете, он у нас уже много лет стоит просто так. Нет, горничные, конечно, его убирают, освежают, но люди отказываются туда заселяться.

— Почему? — спросила Марина, чувствуя, что не очень хочет получить ответ на свой вопрос.

— Многие говорят, что они в этом доме слышат какие-то голоса и видят призрак в окне.

— Что видят? Призрак? — удивленно спросил Максим.

— Я, конечно, в этот бред не верю. Даже несколько раз сама оставалась там ночевать. И ничего такого не видела и не слышала. Но слух уже пустили, в Интернете появилось по этому поводу обсуждение. Когда люди бронируют домик, сразу же интересуются, нет ли там призрака. Не хотят, чтобы их туда заселяли.

— Бред какой-то, — ответил Максим.

— Вы знаете, пока нам не приготовят номер в самом пансионате, мы все же заселимся в этот домик. Все равно других вариантов нет.

Марина была уверена, что никаких призраков там нет, просто эта Ирина почему-то не хочет их туда заселять. Судя по всему, девушка вообще не рада тому, что они сюда приехали. И тут же Марина получила подтверждение своим догадкам.

— Если честно, — ответила Ирина Андреевна с плохо скрываемыми нотками недовольства, — мы думали, что вы будете жить в городе, а сюда приезжать как на работу. Раз уж теперь вы владелица столь дорогого бизнеса.

Марина была удивлена такой наглостью. Максим хотел было ей ответить, но она опередила его.

— Ирина... ммм... как вас?

— Андреевна.

— Да. Ирина Андреевна. Вы знаете, я тоже не горю желанием управлять непонятным мне наследством. Я новичок в этом бизнесе. Но раз уж так произошло, то ведите себя прилично. Если, конечно, хотите сохранить свою должность. Иначе ничего у нас с вами не получится.

Девушки смотрели друг на друга с плохо скрываемой злостью. Через пару секунд управляющая улыбнулась и, указав рукой на домик, находившейся ближе к озеру сказала:

— Пройдемте. Я уверена, вам здесь понравится.

Солнце начинало припекать, а Максим с Мариной все еще не могли попасть в домик возле озера, куда решили заселиться, пока им не выделят апартаменты в самом пансионате.

— Одного не понимаю: почему ты, новая владелица, должна сидеть на чемоданах возле двери?

— Максим, нам же сказали, что пансионат под завязку. Это единственный домик, который пустует.

— Ага, в который никто не хочет заселяться, потому что у них привидения здесь ходят, — усмехнулся супруг, а потом вдруг нахмурился, — я надеюсь, это просто нелепые сказки. Мне хватило того, что с нами уже было. Больше встреч с существами я не выдержу.

Марина улыбнулась. Действительно, они почти год жили спокойно. Марина даже начала подумывать о возвращении в город. В свою квартиру. Но... Тут прилетело это письмо от нотариуса и странное наследство в виде пансионата.

Зазвонил телефон. Высветилось имя подруги.

— Привет, Викуля.

— Ты чего не звонишь? Вы добрались? Все хорошо? Почему фотки не шлешь? Он красивый?

Подруга тараторила, не останавливаясь, а на заднем плане кряхтел ребенок. Видимо требовал от мамки внимания, но Вика твердо решила игнорировать малыша.

— Стой, — засмеялась Марина, — слишком много вопросов.

Подруга раз десять позвонила, пока они ехали в поезде, писала СМС, и вот снова звонит. Марина тоже по ней соскучилась. Они столько всего пережили вместе. Но ей теперь нужно было разобраться с этим странным наследством. Никто так и не узнал, откуда оно взялось. Марина оставила квартиру в городе и отдала ключи Вике и Сергею.

— Это вам. Сколько мы там будем, неизвестно. Может, навсегда переберемся. Поэтому отдаю вам ключи от своей квартиры. Максим не против. Если хотите, можете там жить. Но тогда нужно дом хотя бы сдать, чтобы он не пустовал.

— Нет, — ответила Вика, — мы и тут и там будем. Когда устанем от деревни, поедем в город. Тем более возле вашего дома такая изумительная пекарня. Правда, сейчас она больше походит на кафе, но от этого пироги и булочки хуже не стали.

Марина и Максим не были против, правда, просили следить за животными. Ночка после смерти хозяйки окончательно перебралась к девушке. Она бегала куда-то иногда, возможно, просто скучала по старому месту жительства. Машка и Джесси перед отъездом Марины и Максима не отходили от хозяев. Кошка ласкалась, а собака поскуливала. Чувствовали, что их снова покидают.

— Вика, все хорошо. Мы на территории пансионата, только вот оказалось, что для нас нет свободного номера.

— Как это так? — зашипела в трубку подруга. — Ты им сказала, что стала новой владелицей пансионата? Ты можешь занять любой номер.

— Конечно. Я показала документы на наследство. Но тут такая интересная управляющая... Ладно, потом. Нас вроде сейчас будут заселять. Перезвоню.

По аллее от самого пансионата шли управляющая Ирина Андреевна и какая-то женщина в форме горничной.

— Извините, что заставили вас ждать. Это Виолетта Львовна — горничная. Она приберет у вас в домике и застелет постель. Как отдохнете, жду вас в кабинете в пансионате.

Девушка развернулась на маленьких каблукках черных туфель и, гордо подняв голову, пошла по аллее в сторону двухэтажного здания. Максим усмехнулся, а Марина даже открыла рот от удивления. Вот это наглость! Девушка разговаривает с ней, как будто это она новая владелица пансионата, а Марина и Максим приехали устраиваться сюда на работу.

Горничная со второй попытки открыла входную дверь и вошла внутрь домика. Марина заметила, что ее руки слегка дрожат, поэтому она сразу не смогла попасть в замочную скважину. Они перекинулись с Максимом взглядами, и тот в удивлении приподнял одну бровь. Это было странно. Хотя управляющая говорила, что сюда никто не хочет заселяться, а если находились такие смельчаки, то их хватало на два-три дня. Работники пансионата знают историю о странных призраках, ходящих вокруг домика, поэтому, наверно, мало желающих наводить тут чистоту. Наверно, жеребьевкой решают, кому идти.

Домик снаружи был небольшим, но, когда они вошли внутрь, Марина сразу оценила его дороговизну. Поэтому такие домики пользуются спросом. Небольшие, но очень уютные комнаты. Кухня-гостиная, спальня и санузел продуманы до мелочей. Уютно, дорого и красиво. Эти три описания больше всего подходили для этого домика. Два окна выходили на озеро и лес. Из окон открывался вид на озеро. Сосновый лес на другом берегу поднимался ввысь, и где-то там, за деревьями, угадывались очертания старого замка — сейчас его было почти не разглядеть. У берега качались на воде две моторные лодки — видимо, для гостей.

Марина решила, что чуть позже осмотрит не только территорию и сам пансионат, но и озеро, о котором здесь столько говорят. В воде возле самого берега росли многочисленные камыши. Оставалось место для спуска, чтобы можно было отдохнуть возле кромки воды. Из окна Марина заметила несколько лавочек. Над одной из них свисали ветки ивы. Вот уж где приятно посидеть, наслаждаясь природой, тишиной и покоем.

Горничная очень быстро справилась со своей работой и покинула домик, пожелав хорошего дня. Максим поставил чемодан и сел на небольшой диванчик.

— Вот это прием, обалдеть!

Марина села рядом. Дорога и неразбериха с заселением утомили их обоих. Складывалось ощущение, что их просто не хотели пускать в основное здание. Ну ничего, Марина обязательно с этим разберется. Сегодня они переночуют в домике, а завтра будет видно.

Внутри домик оказался не просто уютным, а по-настоящему продуманным. Гостиная с большими арочными окнами, одно из которых выходило прямо на озеро, располагала к долгим вечерам. Мягкий диван, обитый замшей, круглый стол, торшер у окна — всё выглядело уютно, по-домашнему. На маленькой кухне нашлась пара фужеров — на случай, если кто-то захочет проводить закат. Марина предположила, что пансионат работал круглый год и всегда с полной загрузкой. В домике она обратила внимание на систему отопления: значит, зимой здесь тоже живут.

Ванная была светлой и чистой: белоснежная сантехника, угловая джакузи, большое зеркало. На полке лежали халаты и полотенца с логотипом пансионата, у входа стояли тапочки нескольких размеров.

Спальня оказалась небольшой, но уютной — двуспальная кровать, тумбочки с лампами, шкаф. Светлые шторы создавали утреннее настроение, а вечером можно было задернуть плотные портьеры. Точечные светильники на потолке давали мягкий свет — можно было настроить их под настроение.

Марине очень хотелось принять душ после долгой дороги. Она пока была не в состоянии разбирать чемоданы. Девушка поцеловала супруга и скрылась в ванной, Максим уже смотрел местные новости, одновременно переписываясь с кем-то в телефоне.

Девушка набрала ванную и добавила пену, которую нашла в шкафчике. Девушка открыла шкафчик — там оказался стандартный набор: шампунь, гель, пена. Она задумалась на секунду, потом пожала плечами и добавила пену в воду — всё равно своих вещей ей сейчас не хотелось искать.

Девушка погрузилась в ванную с пеной и закрыла глаза от удовольствия.

Марина проснулась от холода. Открыв глаза, она поняла, что уснула прямо в воде, которая уже давно остыла. Непонятно, как так получилось. Она резко села, и вода шумно забила о бортики джакузи. Хорошо еще, что не включила гидромассаж, ушла бы на дно. Интересно, сколько она проспала? Похоже, Максим ее не хватился. Она повернула голову и увидела, что дверь ванной слегка приоткрыта.

— Максим, — крикнула Марина, но не получила ответа.

Странно. Может, тоже уснул? Девушка прислушалась. Телевизор молчал — значит, его не включали. Марина вылезла из прохладной воды, вытерлась и накинула на себя белый халат, висящий в ванной комнате. Девушка медленно вышла из ванны и осмотрела кухню-гостиную. Она была пуста. Тогда Марина прошла в спальню — тоже пусто. Даже постель не примята: как была заправлена, так и осталась. Два чемодана стояли посередине небольшого коридорчика, возле входной двери. Странно. Куда подевался Максим?

Марина взяла с тумбочки телефон и набрала номер мужа. Из гостиной зазвучала знакомая музыка: мобильный лежал на обеденном столе.

Девушка почувствовала, как необъяснимая волна страха окутала все тело. Она схватила вещи и начала натягивать их на себя, когда вдруг открылась входная дверь, и вошел супруг.

— Ты уже все? Я тоже хотел принять душ.

Максим был каким-то озадаченным и хмурил брови. Марина бросилась к супругу и обвила его шею руками.

— Ты чего, любимая?

Девушка посмотрела прямо в его обеспокоенное лицо.

— Не знаю. Просто вышла из ванны, а тебя нигде нет. Я испугалась.

Максим прижал жену к себе и поцеловал в макушку.

— Все хорошо, я никуда не денусь от тебя. Просто...

Максим запнулся на полуслове.

Марина отстранилась от него и снова посмотрела на супруга.

— Что?

Максим обошел ее, потом подошел к столу и повернулся.

— Пока ты была в ванной, я, кажется, задремал. Даже не помню, как провалился в дремоту, — Максим потер переносицу, глядя на Марину. — Ты ушла в ванную, вода зашумела, и старый сериал по телевизору превратился просто в монотонный гул. Диван здесь знаешь какой... он обнимает, утягивает, превращается в топкое болото. Веки сами собой тяжелеют.

Он замолчал, подбирая слова для того вязкого состояния между явью и сном, которое накрыло его полчаса назад.

— Мне снилось что-то мутное, тягучее. Будто я бреду по колено в тумане, а вокруг только белесая пустота. И вдруг резкий рывок. Меня выдернуло оттуда так грубо, словно кто-то невидимый схватил за грудки и встряхнул. Сон тут же прервался. Я открыл глаза. Сердце колотится, во рту пересохло.

В комнате светло, из окна льется солнечный свет. Телевизор что-то бормочет. Сначала я решил, что это ты меня позвала. Я в ответ, шепотом: «Марина?» Ты молчишь, а в ванной

льется вода. И вдруг слышу: тук-тук. Не как стук, а как царапанье. Как будто в нашу входную дверь кто-то когтями скребется. Звук такой... сухой, что ли. Будто ветер шевелит сухие ветки. Но на улице полный штиль, никакого ветра.

Я вскочил, а ноги ватные, как чужие после сна, каждый шаг с трудом дается. Пошел к двери, открыл ее — никого. Да и вся территория пансионата совершенно пустая, ни людей, ни птиц. Будто наш дом под каким-то стеклянным колпаком. Но ведь такого быть не может. Мы здесь не одни, на этой территории, так ведь? Ведь все номера заняты? Да и вода в фонтанах должна была шуметь. Ладно, закрыл я, значит, дверь и только собрался вернуться на диван, как опять в дверь заскреблись. На этот раз более нахально, как будто кто-то издевался надо мной. И мне вдруг так жутко стало, сам не знаю почему.

— Макс, ну там же никого не было, зачем ты её открыл снова? — тихо спросила Марина, кутаясь в пушистый белый халат, а капли воды блестели на ее ключицах, как россыпь бриллиантов.

— Не знаю, — честно ответил он, и голос его непроизвольно задрожал. — Ручка опустилась вниз сама, без всякого усилия, будто с той стороны на неё просто дунули. Дверь медленно, со скрипом начала открываться. Я толкнул, выглянул наружу снова. И опять никого. Меня затрясло. Захотелось захлопнуть эту дверь, закрыть на замок и никогда больше не подходить к порогу. Но вместо этого я вышел на улицу. Дверь за мной легко закрылась сама, как будто кто-то только того и ждал. На улице вроде все спокойно, солнышко светит, полное умиротворение. Цветочки пахнут. На территории все как обычно: люди смеются где-то вдалеке, голуби воркуют, вода шумит в фонтане. Ничего необычного, никаких чужаков. Тогда я решил обойти домик вокруг.

Максим рассказал, что обошел домик несколько раз. Он заглядывал в их окна, всматривался в заросли деревьев и кустарников, росших рядом. Даже мельком взглянул в сторону озера, поверхность которого играла ослепительными бликами. Ничего интересного или странного парень не увидел. Он трогал руками поверхность дома, ощущал его шершавость, но страх, охвативший его, никуда не уходил. Мир снаружи был слишком правильным, слишком ярким, глянцевым, как постер.

Странное предчувствие охватило его. Оно проснулось в тот момент, когда он открыл дверь в первый раз и увидел абсолютно пустую территорию пансионата. Ему казалось, что теперь кто-то неведомый терпеливо ждет, когда они попадут в расставленную ловушку.

Марина подошла к Максиму, теплые ладони легли на его похолодевшие плечи.

— Может тебе просто показалось?

— Если бы, — одними губами прошептал Максим, боясь обернуться и посмотреть на входную дверь.

В этот момент раздался стук в дверь, и Марина с Максимом вздрогнули от неожиданности. Глаза мужа расширились, руки Марины тут же похолодели от страха. Однако стук был вполне естественным, непохожим на царапанье. Максим, не раздумывая, открыл входную дверь. За ней стояла Виолетта Львовна. Женщина, видимо, не ожидала, что это произойдет так резко, и от неожиданности даже подпрыгнула. Да и лицо мужчины не предвещало ничего хорошего.

— Вы обедать будете?

— Будем, — ответил Максим как-то резко.

— Вам сюда принести?

— Нет. — Марина подошла к супругу и улыбнулась горничной. — Мы сами придем. Подскажите куда?

— Конечно. Первый этаж — и направо. Там находится обеденный зал.

Женщина вяло улыбнулась и, не дождавшись ответа, засеменила обратно к пансионату.

«Странная какая-то», — подумала Марина, и они пошли переодеваться.

Глава 4

Территория пансионата была ухоженной до идеала. Газоны были подстрижены так ровно, что казались мягким ковром, а вдоль дорожек стояли аккуратные шары самшита — ни одной лишней веточки. Старые клены бросали на них кружевную тень, а низкие каменные скамейки утопали в зарослях гортензий. Воздух был пропитан густыми, почти осязаемыми ароматами скошенной травы, прелой хвои и влажной земли после недавнего полива.

Внутри П-образного корпуса было просторно и тихо. Пол вестибюля устлан плотными коврами, поглощающими шаги, отчего здесь всегда стояла глубокая, почти ватная тишина. Стены обиты тканью светлого оттенка, а потолок зеркальный — он отражал холл, создавая ощущение простора.

Номера здесь были разные: одни занимали всего одну комнату, другие — целые апартаменты с гостиной и спальней. Высокие потолки давали ощущение свободы, а окна в пол открывали вид на территорию. Внутри стены были обшиты панелями из светлого дерева, с мягким, текучим рисунком.

Центральное место в спальне занимала широкая кровать с пуховым одеялом. Простыни из плотного египетского хлопка, мягкие и свежие подушки. Вместо привычных тумбочек — лёгкие столики из орехового дерева, отполированные до блеска. Рядом стояли кресла, обитые тканью тёплого оттенка, — в них хотелось сесть с книгой. Напротив кровати висело зеркало в тяжёлой деревянной раме.

На низком комодке стояли фарфоровый чайник, уже наполненный горячей водой, пара глиняных чашек и жестяная коробка с крупнолистовым чаем. В номерах было по-настоящему тихо: двойные рамы глушили звуки, а ковры скрадывали шаги.

В однокомнатных номерах всё было продумано до мелочей: большая кровать, столик, кресла, шкаф. В двухкомнатных — просторная гостиная с мягким кожаным диваном, журнальным столиком из закалённого стекла, парой кресел и плазменной панелью на стене. Все номера были с удобствами. Везде было чисто, светло и по-домашнему уютно.

Ирина Андреевна водила Марину и Максима по пансионату, знакомя с новыми владениями. Они сначала осмотрели территорию, где управляющая рассказала обо всех особенностях и правилах пребывания в пансионате «Тихая Гавань».

Марина снова посмотрела на лепнину над входом. Теперь она была почти уверена, что это не люди, а какие-то чудные животные — неестественно вытянутые, скрюченные. Солнце мешало разглядеть детали, но девушке показалось, что когда-то такие фигуры делали на зданиях, чтобы напугать или просто украсить фасад.

— В левом крыле у нас находятся сауна и бассейн. Можно воспользоваться услугами массажиста. Но только по записи. Я вам не сказала, но все сотрудники, работающие в пансионате, приезжают из города. Никто не остается здесь ночевать, кроме охраны, дежурившей на воротах, меня и моей помощницы. До остановки всего метров пятьсот по дороге от нас. Автобус приезжает регулярно каждый час. Первый приходит в семь утра, последний в десять вечера. Он просто останавливается возле нашего пансионата, а потом едет дальше по трассе. Как я поняла из рассказов сотрудников, он проезжает несколько деревень. Ну, это не столь важно. Вы же, наверное, на машине?

Девушка посмотрела на пару, выгнув бровь дугой, как бы спрашивая их, а не утверждая.

— Нет, — ответил Максим, — мы свою продали в городе, новую собирались покупать здесь.

Девушка постояла несколько секунд, изучающе глядя на них, а потом, кивнув, пошла дальше по коридору.

Ирина Андреевна водила Марину и Максима по пансионату, показывая комнаты, рассказывала о том, что тут имеется для шикарного отдыха. По пути они встречали отдыхающих. Ирина Андреевна приветливо с ними здоровалась и улыбалась.

Они подошли к бассейну, который был небольшим, но очень ухоженным. Здесь стояли лежаки, возле больших панорамных окон находились большие вазоны с цветами и карликовыми деревьями. В бассейне плавало человек пять.

— Здесь у нас парная, а там кабинет для массажа. Массажистка у нас приезжает каждый день, но работает по записи. Обычно мы собираем группу хотя бы из четырёх человек, чтобы ей было удобно планировать время.

— Кстати, а кто у вас ведет бухгалтерию? — спросила Марина.

Ирина Андреевна вдруг резко остановилась, повернулась и уставилась немигающим взглядом на девушку.

— Этими вопросами занимаюсь я, на правах управляющей пансионатом. Мне помогает моя помощница, Светлана Георгиевна.

— Интересно, — ответила Марина. — Вы знаете, я на правах новой владелицы хотела бы посмотреть все интересующие меня документы, в том числе бухгалтерские.

Ирина Андреевна смотрела на Марину, и девушке на секунду показалось, что ее глаза как-то изменились, стали полностью черными, а потом вернулись в обычное состояние. Лицо управляющей заострилось, стало непроницаемым, как у статуи.

— Вы в этом уверены? — спросила Ирина Андреевна. — Обычно всеми вопросами денежных выплат и зачислений занималась я. Вы, как новый человек, можете что-то не понять или упустить, я думаю, вам лучше...

— Что вы думаете, — прервала ее Марина, — мы обсудим позже, когда я пересмотрю все интересующие меня документы. А пока прошу проводить в кабинет, где я буду работать на правах владельца этого роскошного и дорогого пансионата.

Марине надоело слушать то, что говорила управляющая. Стало понятно, что та не хочет, чтобы девушка совала свой нос куда не следует. Вот она и проверит, что и как.

Ирина Андреевна ответила коротко: «Хорошо» и пошла к выходу. Вечер явно будет интересным для всех.

Сосны расступались перед Мариной неохотно, словно не желая пропускать её дальше. Воздух здесь был плотным и тягучим, пропитанным горьковатой смолой и влажной прелью прошлогодней листвы. Под ногами пружинил мягкий изумрудный мох, заглушающий шаги. Между бронзовыми стволами вековых сосен висели сизые клочья утреннего тумана. Они цеплялись за ее тонкую майку ледяными пальцами, оставляя на коже липкую росистую взвесь.

Марина шла к тому самому замку, который так ее привлекал. Она ждала этого все несколько дней, которые они находились на территории пансионата. С берега озера он казался неясной тенью, но чем ближе она подходила, тем более реальным он выглядел.

Миновав последнюю стену корабельных сосен, Марина вышла на каменистый уступ. Внизу, у самых ног, дышало приятной прохладой озеро. Внизу, у самых ног, дышало приятной прохладой озеро. Его гладь была абсолютно гладкой, как стекло, в котором отражалось небо. Замок вырастал прямо из этой глади, словно гигантский страж времени. Его древние стены поросли седым лишайником, а остроконечные шпильки тянулись ввысь. Ни единого огонька, ни звука, только глухая, давящая тишина.

Тропинка, ведущая через лес, упиралась в исполинский фундамент строения. Чем ближе подходила девушка, тем больше казался замок. От замка тянуло едва уловимым запахом отсыревших камней и еще чем-то металлическим, как от старого железа.

Вблизи замок оказался не заброшенной романтической руиной, а угрюмым монолитом. Время обглодало его углы, покрыло глубокими морщинами трещин серый гранит, но кладка

стояла нерушимо. Посреди южной стены зияла огромная дверь из почерневшего дуба, перетянутая тремя широкими железными полосами. Большие кованые гвозди плотно удерживали металл на массивном дереве, которое казалось пропитанным временем и сыростью.

Марина подняла руку. Ее пальцы слегка дрожали, их кончики онемели от внутреннего напряжения. Она потянулась к массивной железной ручке, выполненной в виде оскаленной пасти неведомого зверя. Металл обжег кожу могильным холодом. Девушка замерла. Ей мучительно хотелось толкнуть эту огромную дверь и шагнуть в непроглядный мрак дверного проема.

И в этот самый миг, когда ее пальцы были готовы коснуться кованого железа, кожа на затылке и плечах девушки мгновенно заледенела. За спиной кто-то стоял. Она не слышала шагов, не чувствовала дыхания — просто знала. Воздух стал тяжёлым, будто кто-то невидимый навис над ней, и дышать стало трудно. Она не решалась обернуться.

Разум кричал, что это невозможно, что лес позади пуст, но чужое присутствие ощущалось физически. Страх ударил горячей вспышкой адреналина, выводя из оцепенения.

Резко, всем корпусом, так, что хрустнули шейные позвонки, Марина обернулась. Мир смазался, потеряв четкость очертаний. Лес больше не был просто лесом. Деревья накренились, превратившись в черные когтистые лапы, готовые схватить ее. Там, где еще минуту назад была тропинка и серые камни, стояла огромная фигура в два человеческих роста — чёрная, бесформенная, с капюшоном, из-под которого горели два белых глаза. Они не двигались, но Марина чувствовала: они видят её насквозь.

В них не было зрачков, радужки, белков, только ровное пульсирующее сияние свежеевыпавшего снега в лунную ночь. Они смотрели не на Марину, а сквозь нее, парализуя волю. Эти белые провалы затягивали, обещали покой, гипнотизировали.

Марина попыталась закричать, но изо рта не вырвалось ни звука.

Фигура под черным капюшоном медленно, плавно начала поднимать сливающуюся с мраком руку, указывая на девушку. Белые глаза вспыхнули чуть ярче, превращаясь в два прожектора невыносимого, режущего света.

Марина вскрикнула и проснулась. Темнота спальни показалась спасительным раем после той всепоглощающей черноты. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Тело дрожало, простыня была влажной от пота.

Сон разлетелся на тысячи острых осколков. Марина села на кровати, судорожно хватая ртом воздух и глядя в окно. За стеклом все так же блестело ночное озеро, на другом берегу темнела одинокая тень замка. А перед глазами, все еще стояли два белых немигающих ока под черным капюшоном.

Девушка спустила ноги с кровати и тихо, чтобы не разбудить Максима, вышла из спальни. Хотелось пить. В горле пересохло, а внутри все сжималось от страха после этого странного сна. Что это было?

Они уже три дня в пансионате «Тихая гавань», персонал которого постепенно присматривался к Марине, а она к нему. Максим уже вышел на работу, и утром ему надо было ехать в город. В выходные они собирались выбрать машину, чтобы супругу было легче добираться до отдела полиции, в который он перешел.

Марина смотрела в окно кухни-гостиной на озеро. Темная зеркальная поверхность была ровной, ни намек на трепетание воды. Казалось, что мир вокруг этой глади остановился. Огромная полная луна отражалась в зеркальной поверхности. Марина видела верхушки того самого замка, который ей только что приснился. Сон казался реальным до дрожи. Неожиданно в районе щиколотки больно резануло, и Марина, охнув, присела. Девушка почувствовала, как руки ее леденеют, внутри все клокочет от страха, а к горлу подкатывает комок, заглушая крик боли, рвущийся наружу. Но не это беспокоило девушку, а то, что шрам спустя столько времени вновь начал болеть. Это могло означать только одно: рядом есть нечисть.

Тишина и спокойствие, в которых Марина прожила последний год, закончились. Марина машинально взяла стакан, включила воду, но не пила — просто смотрела на озеро и чувствовала, как воздух вокруг неё тяжелеет. И тут по кончикам пальцев правой руки пробежало первое, едва уловимое покалывание. Словно сотни крошечных игл одновременно коснулись кожи, не больно, но пронзительно-остро, до сладкого головокружения. Воздух вокруг внезапно загустел, наполнился терпким ароматом озона после грозы.

Марина замерла, боясь спугнуть это забытое ощущение. Сердце пропустило удар, а затем сорвалось в галоп, гулко отдаваясь в висках. Покалывание поползло выше, охватывая запястье, змеясь по предплечью к локтю. Кожа натянулась, стала прозрачной, и сквозь неё проступил тот самый рисунок вен, который она привыкла считать навсегда уснувшим. Это была её сила, древняя, густая, как смола вековых сосен, та самая, что заставляла воду превращаться в лед, а огонь использовать для спасения. Год назад она похоронила её глубоко внутри, думая, что со сгинувшими серьгами ушел и дар. Она надеялась, что вырвала эту черноту с корнем, выжгла каленым железом воли. Но оказалось, что корни просто ушли глубже, во тьму костей.

Память развернулась перед внутренним взором пугающей, яркой панорамой. Деревня, куда она сбежала от городского смога. Августовская ночь, такая черная, что собственную ладонь было не разглядеть. Озеро, зеркальное, круглое, в котором отражалась луна.

Марина помнила всё в мельчайших деталях. Как ее затащило в объятия озера. Как вода оказалась плотной, желеобразной, и вместо холода обожгла тысячей раскаленных углей. Русалка пришла за подарком от девушки, а получила разочарование и злость от стянутого с нее венка. Марина помнила, как русалка обвила её ногу хвостом, чешуйчатым, скользким, покрытым жесткой щетиной, и потянула вниз, в холодный ил. А потом был резкий рывок вверх, жгучая боль в ноге и подарок — этот глубокий, похожий на полумесяц шрам, оставленный острым когтем.

И вот теперь шрам проснулся.

Пульсация в ноге вошла в идеальный ритм с биением её сердца. Ледяная вода из-под крана вдруг показалась Марине обжигающим кипятком. Она медленно, механически поставила стакан на столешницу. Покалывание в пальцах переросло в жар. Под кожей вспыхнули и тут же погасли искры. Марина подняла правую руку и посмотрела на свои ладони. Вокруг них дрожало, сгущаясь, легкое марево. Она поднесла пальцы к крану, не касаясь металла. Струя воды дрогнула, выгнулась крутой дугой, затем скрутилась в тугую спираль и, наконец, собралась в тяжёлый, дрожащий шар, застывший в воздухе. Капли больше не падали в раковину — они вращались медленно, против часовой стрелки, словно подчиняясь её дыханию. Шрам на ноге перестал ныть. Вместо боли пришло чувство абсолютной гармонии. Вода признала в ней свою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.